

ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ: НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

© 2009 г.

С. Ю. Гуцалов

ВОСТОЧНЫЕ ИМПОРТЫ В ПОГРЕБЕНИЯХ КОЧЕВНИКОВ ЗАПАДНОГО КАЗАХСТАНА СЕРЕДИНЫ I ТЫС. до н.э.

Южное Приуралье, занимая выгодное стратегическое положение, будучи на стыке нескольких историко-географических областей, с момента формирования здесь в середине I тыс. до н.э. кочевой культуры, находилось в тесной связи со многими смежными и отдаленными регионами (рис. 1). К числу таковых относятся Средний и Ближний Восток, контакты с которыми надежно подтверждаются находками вещей восточного происхождения в могилах древних кочевников южноуральских степей¹. На это обстоятельство неоднократно обращал внимание К.Ф. Смирнов², относя восточные древности к VI–IV вв. до н.э., связывая их с политическими и культурными контактами урало-казахстанских кочевников с Ахеменидской державой. На рубеже XX–XXI столетий количество таких предметов среди древностей исследуемого региона значительно возросло³ и введение их в научный оборот способствовало бы более ясному пониманию специалистами сложных процессов культурогенеза, протекавших в степях Евразии в скифскую эпоху, а также характера связей между указанными регионами.

В частности, целый ряд предметов восточного происхождения был обнаружен в начале XXI в. при проведении археологических раскопок на территории Западно-Казахстанской области Республики Казахстан⁴. Все они совершены в крупных по своим размерам курганах (от 1.5 до 5 м в высоту и диаметром от 25 до 50 м), в неординарных по обряду и сопровождающему инвентарю погребениях. Один из наиболее ярких комплексов, где присутствовали восточные импорты, исследован в курганной группе Кырык-Оба II.

Могильник Кырык-Оба II расположен на обширной равнине левого берега р. Урал в 10 км к югу от его русла, в 80 км к западу от Уральска и в 5 км к северу от «царских курганов» Кырык-Оба. Некрополь состоял не менее чем из 26 земляных курганов, растянувшихся по цепочке с запада на восток на расстояние до 3 км. Насыщенным восточными древностями оказался курган 23. Его насыпь была высотой 1.65 м и диамет-

¹ См., например: *Мошкова М.Г.* Комплекс находок с ритонном из Уральской области // *СА.* 1981. № 4. С. 171–185; *Пшеничник А.Х.* Раскопки «Царского» кургана на Южном Урале. Препринт. Уфа, 1989.

² *Смирнов К.Ф.* Сарматы. Ранняя история и культура сарматов. М., 1964. С. 281–283. Рис. 32, 1е; *Савельева Т.В., Смирнов К.Ф.* Ближневосточные древности на Южном Урале // *ВДИ.* 1972. № 3. С. 106–123.

³ См., например: *Балаханцев А.С., Яблонский Л.Т.* Ахеменидская эмаль из Филипповки (проблема хронологии памятника) // *РА.* 2007. № 1.

⁴ Предварительная публикация материалов состоялась в малоизвестных российских исследованиях, к числу которых, например, относится монография: *Сдыков М.Н., Гуцалов С.Ю., Бисембаев А.А.* Сокровища скифов Западного Казахстана. Уральск, 2003.

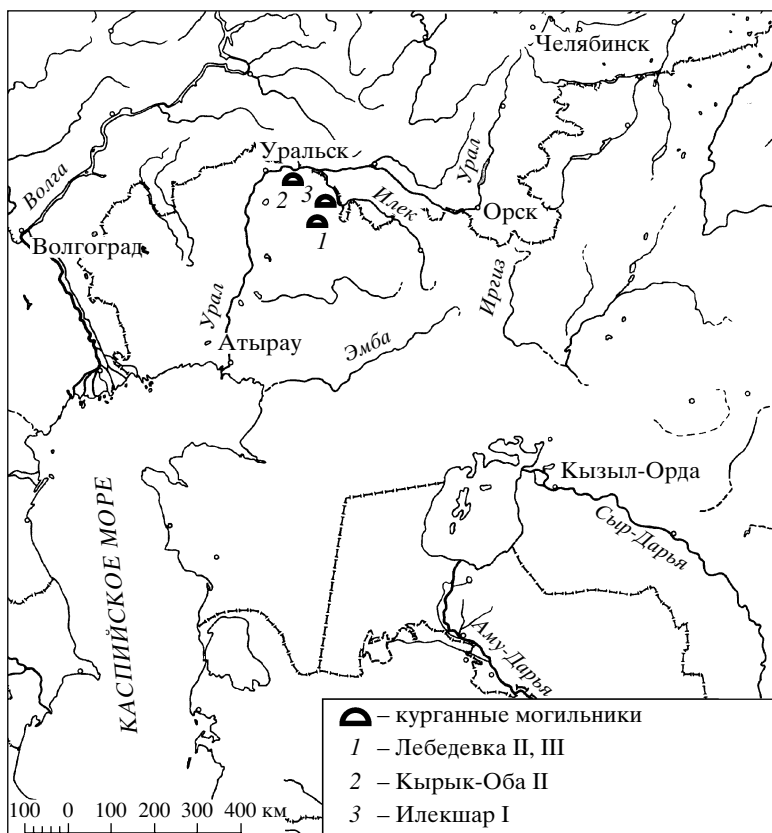

Рис. 1. Карта расположения могильников, где обнаружены погребения с восточными импортами

ром 36 м. Вокруг кургана визуально наблюдался кольцевидный ров шириной до 5 м и глубиной до 0.5 м.

Под северной полой насыпи на глубине 0.9 м от ее поверхности был обнаружен опрокинутый вверх дном каменный жертвенник прямоугольной формы (размеры ложка 45×60 см) на четырех ножках, оформленных в виде голов козлов (?) (рис. 2, 1). Оконечности ножек, к сожалению, были сбиты еще в древности. На обратной стороне ложка жертвенника рельефно выделяется орнамент в виде прямоугольника⁵. Кроме того, по центру кургана на уровне погребенной почвы встречались кости лошади – остатки жертвенного захоронения жеребенка. Последнее было совершено на деревянном настиле в 1–1.5 м к востоку от могилы. Судя по положению челюстей, животное было обращено мордой к северу. Возле него обнаружена бронзовая пронизь, увенчанная изображением головы верблюда (рис. 3, 16). В изголовье лежали железная уздечная пряжка, обтянутая золотой фольгой (рис. 2, 3) и коническая подвеска из минерала зеленовато-голубого цвета (рис. 2, 2).

На погребенной почве в 7–8 м к востоку от могилы были обнаружены остатки захоронения крупной птицы.

На погребенной почве на периферии фиксировался вал до 28 м в поперечнике (шириной от 2 до 3 м и высотой 0.2–0.4 м) из желтой материковой глины восьмигранной в плане формы. Данный вал обтекала небольшая прослойка гумуса. В южной части ва-

⁵ Как выяснилось позднее, данный каменный жертвенник находился в грабительском ходе, и, скорее всего, был брошен здесь в ходе ограбления.

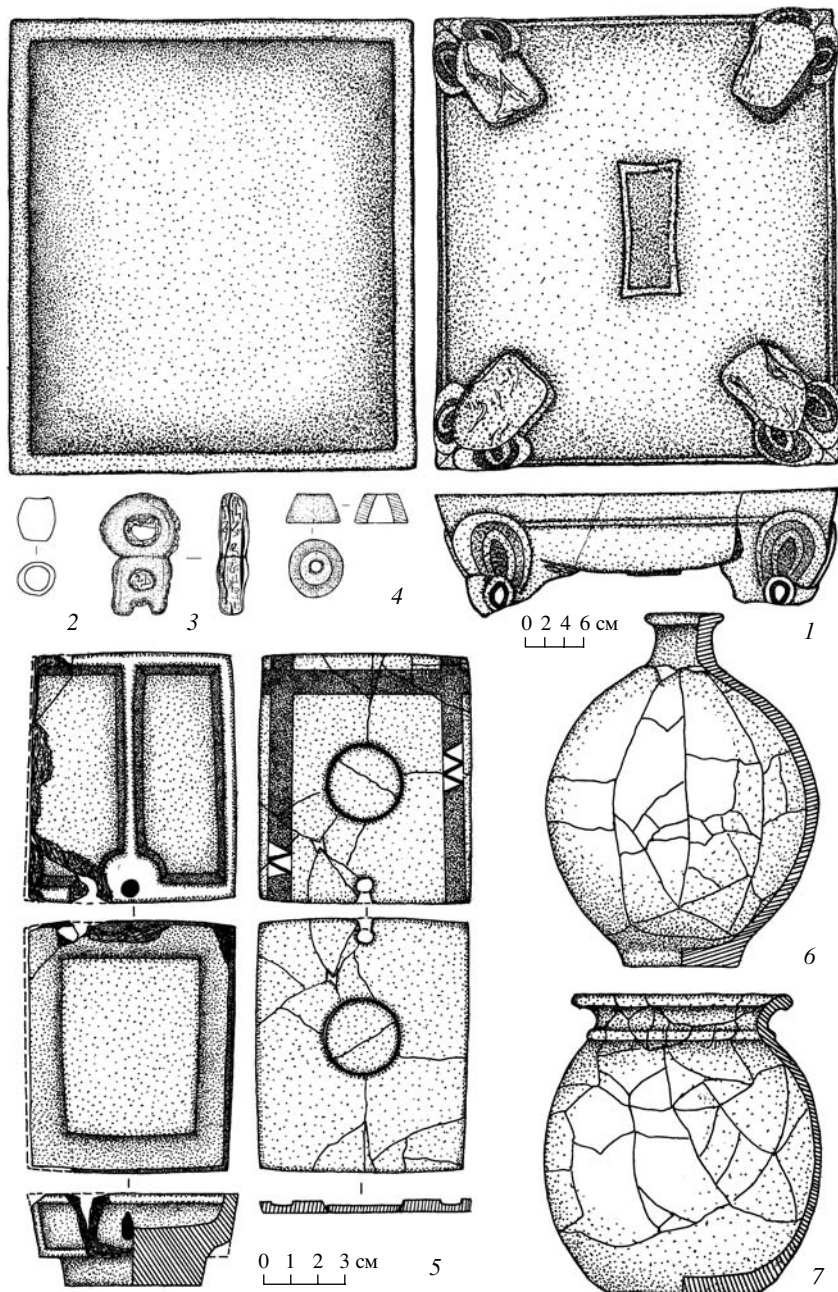

Рис. 2. Могильник Кырк-Оба II, курган 23. Инвентарь: 1 – каменный жертвенник; 2 – подвеска из минерала; 3 – железная пряжка, обложенная золотой фольгой; 4 – глиняное пряслице; 5 – глиняная шкатулка с крышкой; 6 – гончарный розовоглиняный сосудик; 7 – гончарный сероглиняный сосудик

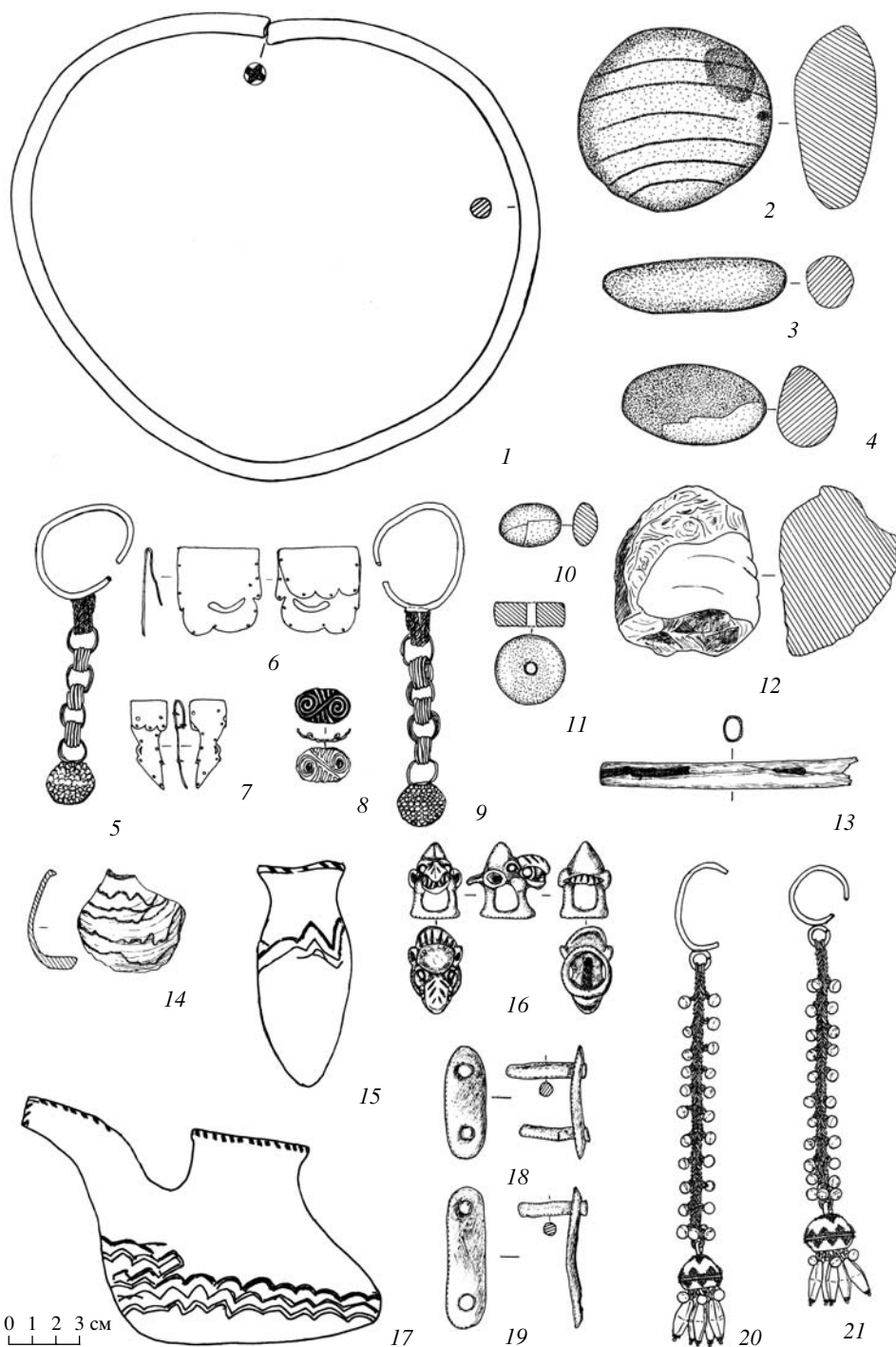

Рис. 3. Украшения и культовые предметы из богатых погребений кочевников Южного Приуралья: 1 – золотая гривна; 2, 3, 10 – гальки; 4, 12 – куски мела; 5, 9, 20, 21 – золотые серьги с подвесками; 6 – золотые оковки деревянного ритуального сосуда; 7 – серебряные оковки деревянного ритуального сосуда; 8 – золотая нашивная бляшка; 11 – глиняное пряслице; 13 – костяная игольница; 14, 15, 17 – фрагмент и целые сосудики из «финикийского» стекла; 16 – бронзовая пронизь; 18, 19 – серебряные пластинки с двумя штифтами. 1–13, 16, 18, 19 – Кырык-Оба II, курган 23; 14 – Илекшар I, курган 1, погребение 4; 15, 17, 20, 21 – Лебедевка II, курган 6

ла был разрыв с целью допуска через дромос к могильной яме. Могила располагалась в центре кургана. От ее стенок радиально от центра к валу располагались деревянные жерди и плахи, накрытые корой. Каркас конструкции составляли столбы, стоявшие возле края могилы – возле углов ямы. На периферии кургана плахи лежали вдоль периметра вала, причем дерево укладывалось до середины глиняного вала. Сверху их не было. Можно утверждать, что это сооружение было шатрового типа.

Могильная яма прямоугольной формы, размерами 6.4 × 7.2 м, была вытянута по оси восток–северо-восток – запад–юго-запад (рис. 4, 1). Глубина ямы 1.2 м⁶. От южной подошвы кургана к ней был прорыт дромос длиной 10.4 м, шириной 1.2–1.8 м. Глубина дромоса 0.5–1.0 м. У входа в могильную яму в дромосе было совершено захоронение ребенка – вытянуто на спине, головой на север–северо-запад. Дно входной ямы и могилы было устлано корой. В северном углу могилы был прорыт грабительский ход – длинная прямоугольная яма размерами 1.0–1.3 × 5.3 м глубиной у входа в могилу 1.0 м от уровня погребенной почвы. К выходу глубина грабительского входа постепенно уменьшается до 0. Судя по планиграфическим наблюдениям, грабительский вход был прорыт еще в наземной грунтовой конструкции, и переносной каменный алтарь был брошен в конце его на дно.

Могила оказалась ограбленной в древности, и в яме зафиксированы разрозненные остатки захоронения: основная масса костей человека была сосредоточена в южном конце могилы. В самом углу был аккуратно поставлен череп взрослого человека. С севера, впритык к черепу крест на крест лежали кости рук. В полуметре к северу и западу от них лежали ребра, тазовые кости и кости нижних конечностей человеческого скелета. В западной части от данного скопления обнаружены массивная гривна, сделанная из гладкого золотого прута (рис. 3, 1 и рис. 4, № 16), две височные подвески (№ 18), выполненные в технике зерни (рис. 3, 5, 9) и 26 полусферовидных нашивных бляшек (№ 17) овальной в плане формы, украшенных орнаментом в виде кривых линий (рис. 3, 8). Среди костей скелета обнаружено два крупных куска мела (№ 15 и рис. 3, 4, 12). Разрозненные кости взрослого человека (№ 1) (руки и лопатки) встречались в центре могильной ямы. Здесь обнаружены две серебряные пластинки с двумя штифтами (рис. 3, 18–19 и рис. 4, № 21), вероятно, оковки деревянной погребальной конструкции (гробовища) и кости мелкого рогатого скота (№ 1). У северо-восточной стенки лежало глиняное пряслице (№ 20 и рис. 3, 11).

Основная же масса инвентаря захоронения была сосредоточена напротив входа в могильную яму. Здесь, возле ребра и костей передней ноги коровы или быка, в которые был воткнут железный нож (№ 12) лежали золотые и серебряные оковки деревянных ритуальных сосудов (рис. 3, 6–7), фрагменты гончарных сосудов: флаконы розового (рис. 2, 6) и серого цветов (рис. 2, 7), ритуальный сосудик розового цвета (рис. 4, 6 и рис. 4, № 7–9), фаянсовая шкатулка с крышкой, украшенной белой глазурью (рис. 2, 5 и рис. 4, № 3), каменная ступка баночной формы (рис. 4, 1 и № 14), большой оселок (пест -?) из серого песчаника (рис. 4, 4), находившийся когда-то в металлической оправе (№ 11), костяная втулка (рис. 4, 2 и № 2), костяной футляр с железной иглой (рис. 3, 13; рис. 4, № 13), ритуальная галька (рис. 3, 2; рис. 4, № 6), две ископаемые раковины (№ 4), кусочек красной охры (№ 5), а также, деревянный стержень с керамическим навершием красного цвета в виде головки птицы (рис. 4, 3).

В том же могильнике Кырык-Оба II в кургане 12 в заполнении грабительского выброса из могильной ямы подобран небольшой кусочек «финикийского» сосуда из тонкого стекла синего цвета с зигзагообразным орнаментом (рис. 4, 5). Данный курган высотой 1.45 м и диаметром 42 м был ограблен, вероятно, еще в древности. На вершине его наблюдалась воронка диаметром до 25 м и глубиной более 1 м. В ходе раскопок здесь прослежена сложная деревянная конструкция шатрообразной формы, опиравшаяся на мощный вал (шириной от 6 до 9 м и высотой 0.75–1 м) из желтой материковой глины в плане квадратной формы с закругленными углами. В кургане обнаруже-

⁶ Здесь и далее глубина могильной ямы дается от уровня погребенной почвы.

Могильник Кырык-Оба II
курган 23

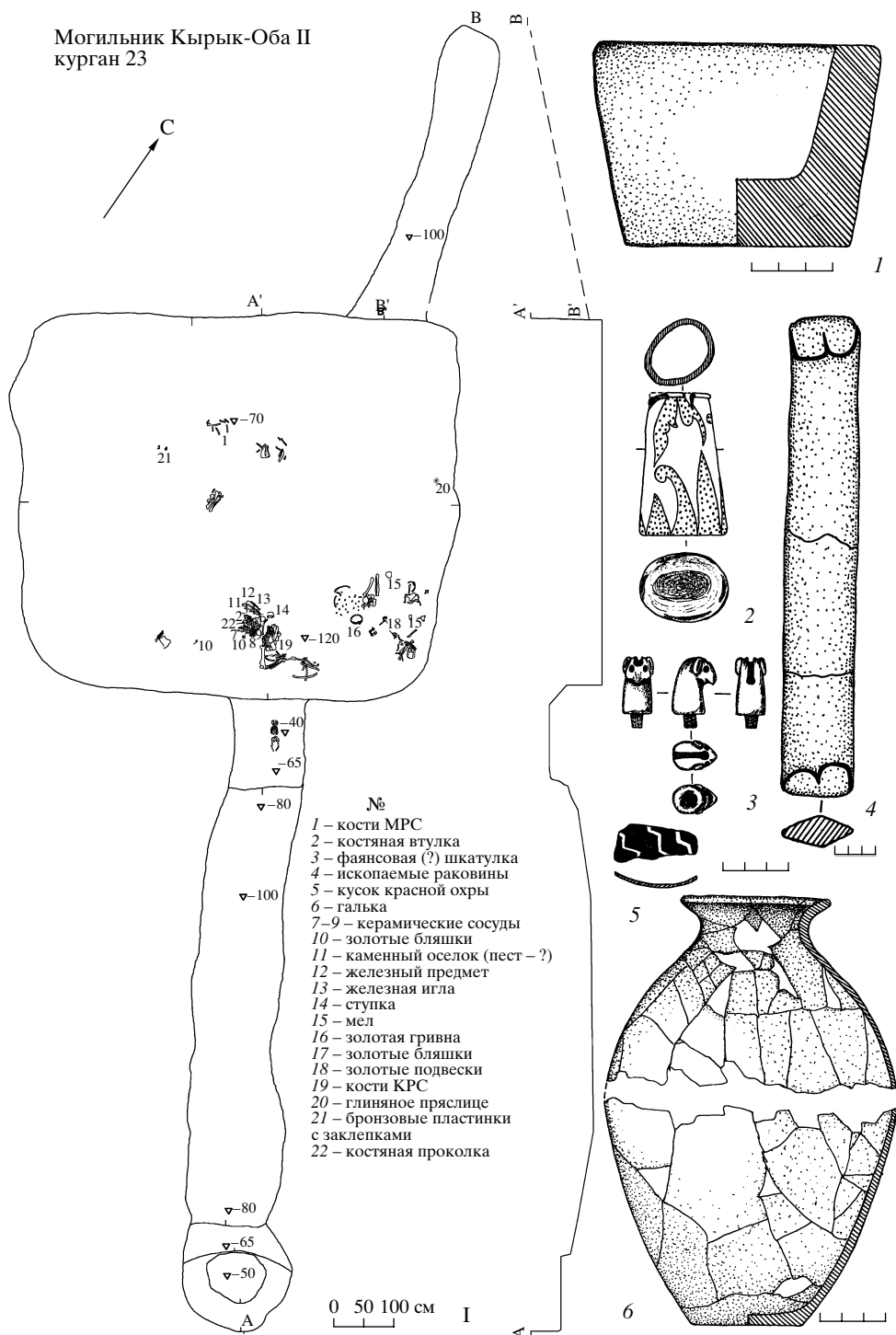

Рис. 4. Могильник Кырык-Оба II. 1 – план и разрез погребения в кургане 23. Инвентарь: 1 – каменная ступка; 2 – костяная втулка-футляр; 3 – керамическое навершие; 4 – каменный пест (оселок?); 5 – фрагмент сосуда из «финикийского» стекла; 6 – гончарный розовоглиняный сосудик. 1–4, 6 – курган 23; 5 – курган 12

Рис. 5. Кырык-Оба II, курган 12. Золотая нашивная бляшка

ны остатки тризны в виде лопаток, тазовых костей, ребер и бабок крупного рогатого скота и лошади, найденных на глиняном валу и на погребенной почве. В юго-западной части вала имелся разрыв с целью допуска через дромос к могильной яме, располагавшейся в центре кургана. У южного края ямы на погребенной почве на деревянном покрытии прослежен скелет молодой лошади⁷, лежавшей с подогнутыми ногами, головой на север. Важным обрядовым признаком является находка «клада» из бронзовых и серебряных пронизей и псалиев от пяти комплектов конской упряжи на юго-западной периферии кургана⁸.

Могильная яма, имевшая форму квадрата с закругленными углами размерами 7.5×7.5 м со ступенчатым дромосом шириной до 1 м, прорытом в юго-западной стенке, была начисто ограблена⁹. Следует обратить внимание на то, что в заполнении ямы по центру на глубине 0.85 м от уровня погребенной почвы располагался скелет большой собаки. Она лежала вытянуто головой на запад с подогнутыми ногами. Животное явно было похоронено. Вышеназванное обстоятельство позволяет предполагать ритуальный характер данной находки. Положение скелета не исключает того факта, что собака была погребена в качестве могильного стража. При этом не важно, когда это захоронение было произведено, до ограбления или, как в данном случае, после.

Предметы роскоши восточного происхождения были обнаружены в ходе раскопок в 2002 и 2003 гг. еще в двух могильниках – Лебедевка II и Илекшар I.

Могильник Лебедевка II располагается в 200 км к востоку–юго-востоку от Уральска на вершине плато Есен-Амантау в 7 км к западу–юго-западу от пос. Лебедевка и в 9 км к северу от пос. Егендыколь Чингирлауского района Западно-Казахстанской области. Он включает в себя 37 объектов (33 кургана и 4 прямоугольных склепа-«святых мест»), растянувшихся по цепочке с запада на восток на расстояние более 1000 м.

Богатством инвентаря и пышностью обряда выделяется погребение в кургане 6¹⁰. Данный курган располагался в центре некрополя и был крупнейшим в группе. В большой яме квадратной формы (размеры $4.5 \times 6.5 \times 4$ м), перекрытой деревянным настилом располагался скелет взрослого человека – вытянуто на спине, головой на запад с

⁷ Все определения костей животных сделаны старшим преподавателем кафедры биологии ЗКГУ им. Махамбета А.А. Джубановым.

⁸ Подобное расположение «кладов» конской упряжи под юго-западной полкой кургана зафиксировано в курганах № 2, 12, 15–18, насыпи которых достигали более 1 м в высоту и более 25 м в диаметре.

⁹ На разных уровнях в могиле были обнаружены фрагмент железного ножа, копыта, лопатки и тазовые кости лошади, железный предмет конической формы (умбон) и золотая нашивная бляшка в виде большого животного кошачьей породы (рис. 5).

¹⁰ Подробнее этот комплекс описан в статье: *Гуцалов С.Ю.* Погребальные памятники кочевой элиты Южного Приуралья середины I тыс. до н.э. // *Археология, этнография и антропология Евразии.* 2007. № 2. С. 75–80.

небольшим отклонением к югу. Вокруг головы фиксировались кусочки красной охры. Возле скелета найдены глиняная курильница, раковины *griffaеа* и скопление черных галек. Дно было устлано покрывалом (?) органического происхождения черного цвета толщиной 1–1.5 мм. Сверху скелет был накрыт тростниковой циновкой. Жертвенная мясная пища была представлена кусками туш крупного и мелкого рогатого скота, находившихся в северо-восточном углу могилы и боком быка или коровы – справа от таза погребенного.

Одежда погребенного была покрыта золотыми бляшками и стеклянными и янтарными бусинами. За головой его фиксировалось конусовидное в плане скопление золотых же бляшек в виде голов оленя, принадлежавших, видимо, головному убору. Среди многочисленных предметов культового характера и украшений выделяются: 1) бронзовое зеркало с боковой ручкой. К плоскому диску тремя бронзовыми заклепками прикреплена плоская рукоять, разделенная четырьмя рифлеными нервюрами. На конце ручки имеется изображение в зверином стиле, в виде противопоставленных фигурки кабана и головы барана, у места припая к диску – голова грифона; 2) две височные подвески из желтого металла, состоящие из проволочной петли, «косичковидной» цепочки длиной ок. 20 см с кольцом на конце, к которому прикреплены две цепочки длиной 13 см с припаянными 24 шариками. В конце цепочки находится полусфера диаметром 1.8 см с нанесенным на ней геометрическим рисунком техникой «зерни». Снизу к сфере крепятся 5 ромбовидных подвесок длиной 2.2 см, на концах которых припаяно по три зернышка (рис. 3, 20–21); 3) сосудики из «финикийского» стекла темно-синего и темно-коричневого цветов, украшенные по тулову орнаментом в виде чередующихся белых и коричневых волнистых линий (рис. 3, 15, 17).

Могильник Илекшар I расположен в 200 км к востоку от Уральска на небольшом возвышении 1-й надпойменной террасы Илека у обрыва к пойме р. Илек в 1.5 км к востоку от аула Ульгули (Илекшар). Он состоял из 16 земляных курганов расположенных по цепочке длиной 420 м, ориентированной по линии северо-восток–юго-запад.

Курган 1 был крупнейшим в группе; он имел земляную насыпь полусферической формы высотой 5 м и диаметром 48 м. Вокруг кургана просматривался ров диаметром 12 м и глубиной до 1 м. В ходе раскопок выяснилось, что погребальная площадка диаметром в 36 м была ограничена глиняным валом шириной 1.5–3 м и толщиной 20 см. Внутреннее пространство было устлано тонкими деревянными плахами шириной ок. 15 см. Под курганом обнаружено несколько разновременных погребений.

Основное погребение 4 располагалось в центре кургана в яме квадратной формы (8.2 × 8.3 м), ориентированной стенками по сторонам света, с отклонением в 30°. Могила имела вид ступенчатой пирамиды, обращенной вершиной вниз. Данную форму ей придали ступеньки-уступы (всего их было пять) шириной 20–40 см и высотой 15–25 см. Общая ширина ступенек до 1.5 м. Глубина могилы 1.5 м от уровня погребенной почвы. Яма оказалась основательно разграбленной. В заполнении ямы и на дне в беспорядке лежали кости человеческого скелета, кости мелкого рогатого скота и отдельные находки – фрагменты сосуда из «финикийского» стекла (рис. 3, 14), золотая тисненая бляшка в виде ромба, бронзовые наконечники стрел, фрагмент клинка железного меча, железные пластинки защитного панциря и фрагменты лепного сосуда.

С южной стороны, у края могильной ямы размещалось сопровождающее захоронение двух коней. Скелеты лошадей располагались на погребенной почве на настиле у южной стенки могилы на животе с подогнутыми в коленях ногами, ориентированные мордами на север. Возле костных останков лошадей найдены предметы конской упряжи: железные удила, бронзовые двудырчатые псалии с окончаниями в виде голов лошадей и верблюдов, бронзовые пронизи, выполненные в зверином стиле, железная и бронзовая подпружные пряжки, бронзовые распределительные бляхи, выполненные в скифском зверином стиле и пр.

Сопровождающий материал позволяет датировать все четыре рассмотренные захоронения концом VI – V в. до н.э. В пользу этой даты свидетельствуют многочислен-

ные аналогии предметам вооружения (наконечники стрел), металлические элементы конской упряжи в скифском зверином стиле и выполненные в том же стиле украшения и предметы культа (в первую очередь каменный походный алтарь из кургана 23 могильника Кырык-Оба II).

Изучаемые погребальные комплексы, несомненно, относятся к разряду элитарных. Характер находок в них говорит о принадлежности погребенных к воинско-жреческой элите кочевого общества. Комплексы с сосудиками из «финикийского» стекла в богатых погребениях кочевников Южного Приуралья датируются в достаточно широком временном диапазоне – от конца VI до IV в. до н.э.¹¹ Все они обладают индивидуальной формой и каких-либо устойчивых типов среди них пока не наблюдается. Их наиболее вероятное предназначение – использование в качестве тары для хранения ароматических веществ, благовоний. Последние могли употребляться не только как косметические средства, но и применяться в погребальных ритуалах.

Обращает на себя внимание тот момент, что украшения из золота с зернью, цветными вставками и цепочками сложного плетения, аналогичные тем, что найдены в кургане 6 у Лебедевки и кургане 23 в урочище Кырык-Оба, так же, как и гривны, «восходят к ахеменидским прототипам из Ирана и Средней Азии»¹². Хотя, возможно, что они были изготовлены по древневосточным прототипам.

Совершенно очевидно принадлежность к кругу культовых аксессуаров сопровождающей утвари из кургана 23 могильника Кырык-Оба II. В пользу этого предположения говорит присутствие там каменной ступки, каменного песта (оселка?), мутовки (для размешивания ароматических смол и минеральных красок?) с навершием в виде головки птицы, каменного жертвенника. Разного рода флаконы, шкатулка и игольница могли применяться по двойному назначению – и как вещи женского туалета, и как предметы жреческого обихода.

Каменная ступка в древностях южноуральских номадов точных аналогов не имеет. Можно констатировать, что каменный жертвенник, выброшенный из могилы, на настоящий момент является самым крупным из числа обнаруженных на степной территории Южного Урала.

Среди названных выше керамических предметов в первую очередь обращает на себя внимание керамическая головка птицы, завершавшая, вероятно, палочку для смешивания благовоний. Весьма возможно, что отдаленный ей аналог есть в комплексе зартепинского типа на территории Северной Бактрии¹³. Правда, костяное изображение птицы, расположенное в верхней части последнего изделия, передано очень схематично. Однако в этом случае необходимо учитывать значительный временной разрыв между сравниваемыми предметами. С другой стороны, стиль изображения на кырыкобинской поделке явно не соответствует канонам искусства номадов скифской эпохи, тогда как подобная трактовка изображений животных и птиц характерна для древневосточного искусства первой половины I тыс. до н.э. Подчеркнуто массивный характер верхней части туловища животного был характерен для искусства Ближнего и Среднего Востока того времени. В частности, подобным образом дается изображение голов у фантастических существ из Урарту и на парадном мече (ближневосточном импорте) из Келермесского кургана¹⁴. Однако, на мой взгляд, по стилю изображения головка птицы из Кырык-Обы наиболее близка изображению головы льва на лестнице ападаны в Персеполе¹⁵. Нельзя исключать, что рассматриваемый предмет ахеменидского происхождения.

¹¹ Смирнов. Савроматы... С. 283.

¹² Там же. С. 282.

¹³ Массон В.М. Северная Бактрия // Археология СССР. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985. Табл. СХII, 1.

¹⁴ Пиотровский Б.Б. Скифы и Урарту // ВДИ. 1989. № 4. Рис. 5; Погребова М.Н. Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время. М., 1984. Табл. IV, 6; Галанина Л.К. Келермесские курганы. «Царские» погребения скифской эпохи / Под ред. А. Иванчика и Г. Парцингера. М., 1997. Табл. 9, 1с.

¹⁵ Дандамаев М.А., Луконин В.Г. Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980. Рис. 16.

Достаточно сложно определить район происхождения гончарных сосудов из анализируемого комплекса. Известные по публикациям среднеазиатские гончарные сосуды – хумчи, фляги и пр., встреченные в погребениях номадов Южного Приуралья, по своему типу и фактуре принципиально отличаются от исследуемых. Назвать центры производства данных предметов затруднительно в виду ограниченного характера публикаций по данной теме. Определенно можно утверждать о том, что эти предметы произведены в мастерских Среднего Востока. Возможно, что Средняя Азия, в частности Хорезм, выступали в качестве посредников в приобретении древними номадами Южного Урала богатых вещей, изготовленных в Иране или на территории Малой Азии¹⁶.

Еще К.Ф. Смирнов обратил внимание на значительную роль в формировании культуры древних кочевников Южного Приуралья носителей среднеазиатских культурных традиций. Он небезосновательно считал возможным участие отдельных групп массагетов в формировании объединения приуральских кочевников VI–IV вв. до н.э.¹⁷ Союз кочевых племен Южного Приуралья, с одной стороны, в силу развития пастбищно-кочевой системы¹⁸ и характера его формирования, с другой, уже на начальном этапе в своих политических и экономических вопросах ориентировался на Хорезм – составную часть державы Ахеменидов¹⁹.

Средневосточное происхождение набора культовых предметов из кургана 23 могильника Кырык-Оба есть подтверждение тесных связей кочевников Южного Урала и Средней Азии еще на начальном этапе формирования древнепрохоровской²⁰ (или, как было принято ранее, савроматской²¹) культуры. Исследователи давно говорят о влиянии культур Среднего и Ближнего Востока на формирование религиозно-культурной практики древних кочевников изучаемого региона²². Следует признать непосредственное влияние скотоводов Средней Азии на появление многих предметов культа у южноуральских номадов. Так, генезис овальных и прямоугольных плоских жертвенников связан с сакскими прототипами из Центрального Казахстана и Приаралья²³. Происхождение же каменных алтариков на ножках исследователи связывают с территорией древнего Ирана²⁴. Стоит заметить, что истоки многих типов зеркал номадов южноуральского региона также следует искать на территории Средней Азии. Там эти предметы туалета (культ?), причем очень близких южноуральским типам, известны еще с середины II тыс. до н.э.²⁵ Говоря о происхождении еще одного греческого атрибута – глиняных курильниц, необходимо отметить, что наряду с Южной Сибирью Средняя Азия является областью, где известны исходные формы для сарматских курильниц²⁶. Кроме того, особое место в культуре номадов Южного Приуралья занимают сосуды с трубчатым носиком. Появившись на этапе формирования древнепрохоровской культуры, эта лепная посуда затем широко распространяется по всему регио-

¹⁶ Смирнов. Савроматы... С. 282.

¹⁷ Там же. С. 278.

¹⁸ Таиров А.Д. Пастбищно-кочевая система и исторические судьбы кочевников урало-казахстанских степей в I тысячелетии до новой эры // Кочевники урало-казахстанских степей. Екатеринбург, 1993. С. 3–23.

¹⁹ Мошкова М.Г. Сарматы и Средняя Азия // Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР. Ташкент, 1973. С. 86–87.

²⁰ Таиров А.Д. Генезис раннесарматской культуры Южного Урала // АПО. 1998. Вып. II. С. 87–96.

²¹ Граков Б.Н. Пережитки матриархата у сарматов // ВДИ. 1947. № 3. С. 100–121.

²² Смирнов. Савроматы... С. 252–254; Федоров В.К. О функциональном назначении так называемых «савроматских жертвенников» Южного Приуралья. I // УАВ. 2000. Вып. 2. С. 49–75.

²³ Смирнов. Савроматы... С. 168; Васильев В.Н. К вопросу о сарматских каменных жертвенниках кочевников Южного Урала // УАВ. 1998. Вып. 1. С. 29.

²⁴ Смирнов. Савроматы... С. 168; Васильев. К вопросу о сарматских каменных жертвенниках... С. 29.

²⁵ Сариганди В.И. Зеркала древней Бактрии // СА. № 1. 1981. Рис. 1, 2. С. 289–290.

²⁶ Смирнов К.Ф. Курильницы и туалетные сосудики азиатской Сарматии // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973. С. 173.

ну, постепенно приобретая местную специфику – круглодонность и примесь талька в тесте²⁷. Варианты сосудов с трубчатым носиком выделены почти во всех типах лепной плоскодонной, а также круглодонной посуды Южного Приуралья²⁸. Истоки этой разновидности керамики также следует искать на территории Приаралья и, может быть, Семиречья, где таковые были широко распространены в VII–VI вв. до н.э.²⁹

Учитывая тот факт, что элитарные погребальные памятники кочевников Южного Урала рубежа VI–V вв. до н.э. имеют в обряде широкие «массагетские» параллели, нельзя исключать активного участия номадов Средней Азии в формировании кочевого объединения Южного Урала в середине I тыс. до н.э. В этом свете находки «восточных импортов» в погребениях южноуральских номадов представляют собой закономерное явление, отражающее тесную связь населения двух регионов социально-экономического, политического, религиозного и иного характера.

ORIENTAL IMPORT IN THE BURIALS OF WESTERN KAZAKHSTAN NOMADS (The Middle of the First Millenium BC)

S. Yu. Gutsalov

This is a publication of some objects, apparently imported from the Middle and Near East, discovered in 2002–2005 in kurgans of the nomadic elite of the late 6th – early 5th c. BC. They include golden ornaments (pendants, necklaces, plaques) and cult objects (a mortar, a pestle, a churn-staff, flasks, a stone altar, etc.).

The flasks of «Phoenician» glass are various in form. They were most probably used for keeping aromatic substances, not only cosmetic ones, but those applied in funerary rites.

The golden ornaments derive from Achaemenid prototypes from Iran and Central Asia. They could have been made after Ancient Eastern models.

Small pottery must have been made in the Near East. It is not improbable that Central Asia and Khwarezm in particular acted as an intermediary between the ancient nomads of the Southern Urals and Iran or Asia Minor in luxury goods trade.

The finds of this kind in 5th–6th c. BC nomad kurgans of the Southern Urals are rather rare. The spread of «oriental import» in the Southern Urals reflects economical, political and religious connections of the regions in question.

²⁷ Гуцалов С.Ю. Древние кочевники Южного Приуралья VII–I вв. до н.э. Уральск, 2004. Табл. 23.

²⁸ Там же.

²⁹ Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963. Рис. 77; Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сыр-Дарьи в VII–V вв. до н.э. (по материалам Уйгарака) // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. 1973. Т. VIII. Табл. X, 20; XI, 21 и др.; Яблонский Л.Т. Саки Южного Приаралья (археология и антропология могильников). М., 1996. Рис. 8, 8; Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М., 1997. Рис. 3, 6; 14, 28.